

Народные немцы «фольксдойче» в годы Великой Отечественной войны в Беларуси (1941-1944гг.)

В.В. Тугай, В.А. Йоцюс, г. Минск

К началу Великой Отечественной войны в Беларуси насчитывалось более 25 тыс. граждан немецкой национальности, которых в Германии называли «фольксдойче» (народные немцы). Необходимо отметить, что значительную группу (15 тыс.) составляли немцы, переселенные в БССР в 30-х гг. из АРНП (Автономной республики немцев Поволжья), а также группа полесских немцев (более 5 тыс.), переселившаяся в XIX — XX вв. из Волыни, лифляндская группа, проживающая на Витебщине [1].

Разговоры о попытках создания наравне с польской немецкой «пятой колонны» начались в середине 1930-х гг. прошлого столетия. На местных поляков и немцев в то время навешивались ярлыки «контрреволюционеров и шпионов».

Германия рассчитывала на немецкое население, которое проживало в других странах, надеясь на его поддержку в проведении оккупационной политики, в насаждении «нового порядка» на захваченных территориях.

В книге «Майн Кампф» А. Гитлер обвестил желание объединить всех немцев в одну страну для того, чтобы противостоять смешению крови расово чистых немцев с другими народами независимо от их гражданства.

В самом начале Второй мировой войны, 3 сентября 1939 г., польская армия захватила «Инструкцию для войск, которые действуют против Польши», в которой высказывалась уверенность в том, что «немецкая и другие группы в Польше будут поддерживать операции немецких вооруженных сил». В инструкции подробно перечислялись обозначения и условные слова, с которыми вынуждены были ознакомлены «группы немцев», которые активно участвуют в борьбе, и другие группы из состава местного населения». В числе условных обозначений фигурировали красные платки с большим желтым кругом посередине, голубые нарукавные повязки с желтым кругом, или нарукавные повязки со свастикой [35].

На самом деле все выглядело не так хорошо как планировали германские стратеги. Германии так и не удалось получить надежную поддержку со стороны местных немцев. Подобная картина наблюдалась и в БССР в 1941 г. В этом же году в Берлин был отправлен официальный отчет, в котором, в частности говорилось о том, «что местные немцы, если они даже не являются коммунистами, имеют совершенно искаженное представление о взаимоотношениях внутри рейха, а также о национал-социалистических лидерах. Представителям интеллигенции незнакомо чувство дискриминации. К евреям они, как правило, безразличны. Показательным является тот факт, что после вступления немецких войск местные немцы не приняли никаких мер против евреев; наоборот они считали их безобидными людьми, которые не вызывают никакой боязни [35, С. 31]. К тому же следует добавить, что на территориях, отошедших в 1939 г. к СССР, их практически не осталось. В период с конца 1939 г. по середину 1940 г. почти все население этих территорий выехало в «Великий Рейх». Только из Белостока и пригородов было отселено более 8 тыс. немцев. В соответствии с паспортизацией, проведенной в сентябре 1941 г. в Пинске,

из более чем 20 тыс. лиц в возрасте старше 14 лет, фольксдойче насчитывалось только 23 [36].

Точных сведений о количестве лиц немецкой национальности, которые пошли на сотрудничество с оккупантами, – нет. В соответствии с личными сведениями, почерпнутым в архивах и у других авторов, можно говорить о том, что их количество было незначительным. Среди первых беларуских историков, который, пожалуй, впервые ввел в научный оборот интересные и совершенно новые неизвестные факты об участии немцев в партизанском движении, подпольном активном сопротивлении местного населения оккупационным властям, является В. Павлов [37]. Однако, исследователь пишет в целом о немецком этносе, не вычленяя детально «рейхсдойче», перешедших на сторону советов и «фольксдойче», проживающих ранее в БССР, и прибывших сюда из прифронтовой полосы. Более подробно о «фольксдойче» Беларуси, их переселении с оккупированных территорий, культурно-национальной политике для «фольксдойче» пишет исследователь Д.А. Кривошей [38].

Через неделю после начала Великой отечественной войны Гитлер приказал службе связи с немецкими национальными меньшинствами принять срочные меры по учету лиц немецкой национальности на оккупированной части Советского Союза. Цель этой акции: выявление надежных «фольксдойче» для работы на руководящих должностях в местных органах немецкого государственного аппарата.

Основная масса «фольксдойче» в БССР использовалась на гражданской службе. Как правило, бургомистрами городов назначались местные «фольксдойче», или перемещенные в БССР из прифронтовой полосы. В августе 1941 г. бургомистром в поселок Новый Двор Заславского сельского совета был назначен беларус Владимир Гейне. Его отец и мать, бабушка были беларусами, но дед – немец, лютеранин. Подобная ситуация наблюдалась и с другими бургомистрами – фольксдойче (Слуцк, Бобруйск, Борисов).

В 1939 г. в соответствии с договором о ненападении между Советским Союзом и Германией (пактом Риббентропа—Молотова), а также секретным протоколом о границах, большая группа немцев (более 8 тыс.) была отселена из округа Белосток на территорию Польши, оккупированную Германией [2]. Взамен германская сторона депортировала 30–40 тыс. беларусов и украинцев на советскую территорию [2]. Беларуские немцы были расселены в имениях, которые были конфискованы у польских евреев. Только с 1939 по 1941 гг. тысячи имений обрели своих новых хозяев. Часть беларуских «фольксдойче» после 1941 г. вернулась на земли, обрабатываемые их дедами и отцами, но уже в качестве «рейхсдойче» (имперских немцев) — служащих, офицеров СД, СС, вермахта.

Еще до прихода германских войск многие из беларуских немцев были высланы или расстреляны органами НКВД [3]. Больше всего пострадали немцы, сельские жители Гомельщины.

В начале войны все «фольксдойче» находились, естественно, на советской стороне фронта. Сегодня у исследователей этой проблемы нет единого мнения относительно призыва советских немцев на военную службу [2, 354]. После пакта Риббентропа-Молотова 1939 г. часть советских немцев была призвана на военную службу и к 1941 г. в Красной Армии их насчитывалось 22 тыс. [4]. Можно

предположить, учитывая наступательную доктрину Красной Армии, что основная часть советских немцев находилась на передовой и первой приняла на себя удар. Среди защитников Брестской крепости было много представителей немецкого этноса на офицерских, сержантских и рядовых должностях, которые погибли в первые дни войны [5].

Защитника Брестской крепости, высокого ясноглазого блондина, старшину Вячеслава Мейера, знал весь 84-й полк. Он был одним из комсомольских «заводил», добрым товарищем, никогда не унывающим весельчаком, одаренным художником, чьи остроумные карикатуры в боевых листках или стенгазете неизменно собирали толпу хохочущих бойцов, как только вывешивался очередной номер.

В боях он показал себя храбрецом. Он дрался в первом штыковом бою около казарм своего полка, когда был перебит прорвавшийся в центральную крепость головной отряд немцев. Он участвовал в уничтожении группы автоматчиков, засевших в церкви, ходил в контратаки в районе моста через Мухавец, сражался в группе Фомина в казармах 33-го инженерного полка, а когда наступали моменты затишья, он по-прежнему шутил, смеялся и был неистощим на разные выдумки, чтобы развеселить своих товарищей.

Он погиб, этот веселый старшина из Поволжья. Погиб, спасая раненых. Спустившись по крутому откосу к берегу Мухавца за водой для раненых, он был расстрелян немецкими пулеметчиками.

Так же героически сражался и Александр Филь. Попав в плен, он отказался от совета немецкого переводчика и записался Александром Филипповым, – русским [5, 245–246]. После войны отозвался из Хмельницкой области Феодосий Дзех, который помог воссоздать картину обороны Брестской крепости [5].

Молодой лейтенант Г. Гамбург начал войну под Ельней в августе 1941 г. На втором месяце боевых действий его танк был подбит, а он ранен, контужен. Подобрали почти бездыханного лейтенанта колхозницы, выходили его. Как только танкист поправился, создал партизанский отряд и воевал с оккупантами. Позднее по его инициативе был образован танковый батальон из отремонтированных боевых машин, который наводил ужас на противника в тылу и стал ударной силой партизанского полка, воевавшего и на территории Беларуси [6, 17–18].

В первые недели войны более 3 млн. бойцов Красной Армии попали в плен. Среди них оказались и лица немецкой национальности. Об этом свидетельствуют многочисленные специальные приказы и распоряжения шефа службы безопасности, а также охранной полиции Германии [7]. На всех документах, касающихся сортировки военнопленных по их национальному признаку, а также обращения с отдельными народными группами, имелась графа «Лица немецкой национальности, проживающие за пределами рейха» [8]. После отбора по национальному признаку началась сортировка по политическим мотивам. Следовало отсортировать политически нежелательных, политически неопасных и, самое главное, политически достойных доверия для использования в восстановлении оккупированных областей. Лица, достойные особого доверия, должны привлекаться для отсортировки политически нежелательных и для использования в управлении лагерей [2, 356]. На лиц немецкой национальности, проживающих за пределами рейха указано особо, в то же время отмечалось, что среди них находятся элементы, которые могут быть

отнесены к политически нежелательным [8]. Пленного советского немца могли освободить из лагеря лишь в том случае, если этот вопрос был согласован со спецкомандованием службы безопасности и полиции охраны и, если в нем была заинтересована определенная организация. Разумеется, после подтверждения его принадлежности к немецкой национальности или германской народности. Предпочтение отдавалось выходцам из прибалтийских республик, Украины и Бессарабии.

О лицах немецкой национальности, проживающих за пределами рейха среди русских военнопленных также шла речь в положениях ОКW i Vomi. В краткой форме было сказано о том, что лица, принадлежащие к германской народности, должны быть выпущены на свободу воинской частью, чтобы они могли вернуться на родину [2, 356].

С первых дней войны проблемами национальных меньшинств, в частности, «фольксдойче» наряду с управлением разведки и контрразведки, министерством иностранных дел занимались также заграничная организация национал-социалистической партии, внешнеэкономическая служба, служба связи с немецкими национальными меньшинства, служба безопасности, армия и др. Эти учреждения являлись специфическими для национал-социалистической Германии. В других странах ничего подобного не было. Каждая из указанных организаций издавала директивы и распоряжения в отношении пленных «фольксдойче». В начале войны было рекомендовано после освобождения «фольксдойче» использовать особенно надежных лиц в качестве помощников полицейских или в качестве переводчиков [9].

Действительно, большое количество военнопленных немецкой национальности было использовано в качестве переводчиков в подразделениях вермахта, а также в рабочих бригадах. Другая часть бывших военнопленных активно участвовала в борьбе против Красной Армии [10].

Когда были созданы добровольческие батальоны «Березина», «Днепр», «Припять» и др. для борьбы с партизанами, в их составе находились бывшие военнопленные и гражданские «фольксдойче». Для подготовки командных кадров для этих батальонов в Бобруйске был создан «Восточный запасной полк» [11].

Практически до конца 1942 г. шла тяжба между различными немецкими ведомствами в отношении использования военнопленных «фольксдойче». Большая часть всех распоряжений гласила о том, чтобы всех военнопленных, которые не могут быть использованы в качестве переводчиков, передавать отделению военнопленных главного командования вермахта для дальнейшего использования их на военной службе. В противоположность этим распоряжениям 7 октября 1942 г. Лоренсом, который ведал делами «фольксдойче», был подписан документ, который предписывал военным служащим эсэсовских частей передавать суду всех военнопленных немецкой национальности, не проживающих на территории рейха.

В декабре 1942 г. генерал-фельдмаршал Кейтель обратился с просьбой к Гиммлеру «при полном признании прав на эти лица немецкой национальности» воздержаться от этих мер, так как они будут наносить вред «особенностям» борьбы на восточном фронте. Указывая на это генерал-фельдмаршал попросил Гиммлера предоставить ему в распоряжение 2300 лиц немецкой национальности для

использования их в качестве переводчиков. На краю письма-оригинала находятся инициалы Гимmlера и его собственноручная пометка «невозможно» [12].

Теперь выясним судьбу тех «фольксдойче», которые не попали в плен или дезертировали. Здесь также довольно сложно прийти к каким-либо однозначным заключениям и обобщениям, так как отсутствует добротный документальный материал. Однако в распоряжении исследователей масса различных воспоминаний, сообщений, историй, в которых речь идет о службе «фольксдойче» в рядах Советской армии в военные годы. Особенно остро относились к нахождению «фольксдойче» на фронте. Здесь действовал приказ: «Немцев Поволжья не под каким видом во фронтовой полосе не держать» [1, 495].

Существует достаточно много примеров героической борьбы «фольксдойче» с немецкими захватчиками. Ярким примером тому является герой романа К. Симонова «Солдатами не рождаются» разведчик 111 дивизии — немец Поволжья Гофман, награжденный тремя орденами «Слава» [13].

Советские немцы-фронтовики пользовались большой любовью и уважением у бойцов Красной армии, поэтому армейское начальство не торопилось отправлять их с передовой и под различными предлогами задерживало в частях, хотя политработники следили за этим строго. Часто полковые писари записывали их как евреев и таким образом спасали от дальнейших преследований. Однако в случае с героем романа Симонова «Солдатами не рождаются» гордый немец отказался записываться евреем.

Еще в начале войны многие «фольксдойче», призванные в армию, меняли свои имена и фамилии на славянские и таким образом добровольно уходили на фронт. Житель немецкого сельского Совета Наровлянского района Гомельской области Мертин Вальтер Гербертович изменил фамилию и стал Маркиным Владимиром Егоровичем. Прошел все испытания войны, был ранен и после войны вернулся на родину [14]. Точно также изменил свое имя Петер Левен на Петра Левина и успешно сражался с нацистами [1, 363].

Что касается приказа об отзыве «фольксдойче» с передовой, то он в какой-то мере был необходим: на передовой находилось достаточно много советских немцев, а немецкая разведка успешно использовала на передовой и в тылу советских войск штурмовые и диверсионные группы, состоящие из военнопленных и гражданских лиц «фольксдойче». Советское командование больше всего боялось военной «пятой колонны». Отозванные с фронта «фольксдойче» пополнили строительные батальоны и разделили судьбу других национальностей, которых власти считали неблагонадежными. После войны многие из них, оставшиеся в живых, были репрессированы.

Если в целом дать оценку деятельности «фольксдойче» в рядах Красной армии, то ее можно выразить словами заместителя начальника политотдела армии генерала Серпилина: «Дайте мне семь тысяч таких немцев, как он, я из них дивизию сформирую и во главе ее пойду воевать с фашистами. И считаю, что не раскаюсь» [13, с. 505].

За годы Великой Отечественной войны лучшие «фольксдойче», сражающиеся против нацистов в рядах Красной армии, были удостоены самого высокого звания

— «Герой Советского Союза». Это: Роберт Клейн, Александр Герман, Петер Миллер, В.Венцель и С.Волькенштейн [1, s. 117].

После того как был оккупирован Минск, немецкие военачальники, а затем и гражданские должностные лица, открыли для себя малоизвестный факт: в Минске и его окрестностях проживало большое количество «народных немцев».

Установить точную численность гражданских «фольксдойче» в начальный период войны не представляется возможным. Есть сведения, что «фольксдойче» были компактно расселены оккупационными властями в Минске и его окрестностях. Специально для «фольксдойче» были выделены целые деревни и поселки, в которых проживало белорусское население. В результате таких мер в Минской области насчитывалось около 20 тыс. «фольксдойче» [1]. Как же относились белорусские «фольксдойче» к завоевателям? Большинство из них расценивало приход немцев как освобождение от деспотизма сталинского режима и кровавых чисток, а потому приветствовали вступающие немецкие части в надежде на лучшую жизнь.

Следует, однако, отметить, что часть местных немцев сразу же отмежевалось от политики Гитлера и большинство из них стремилось к одному: не попасть под пули, безразлично – немецкие или партизанские, добыть хлеба, картофеля и иных продуктов для себя и своей семьи, чтобы не умереть с голоду, достать хоть немного дров или угля, сохранить теплые вещи, чтобы не погибнуть от холода.

Правда, в снабжении продовольствием местные немцы пользовались преимуществом перед другими этническими группами населения. Специальным распоряжением командования тыла группы армий «Центр» немцы в городах должны были получать не только все пайки, которые полагались занимавшим те же должности русским или белорусам, но и дополнительно в неделю – 100 г мяса и 60 г жиров, а также, сверх пайка, 1500 г муки, 1800 г хлеба, 7 кг картофеля, 250 г круп, овощи и рыбу по мере поступления [15, 322].

В Минске и области были открыты школы для детей «фольксдойче». Образцовой считалась школа «Адольф Гитлер», открытая в Смолевичах, в которой обучалось более 30 немецких детей [1]. Командование группы армий «Север» и «Центр» внимательно следило за работой школ и считало, что дети, не посещающие школу, могут пополнить ряды уголовных преступников и партизан. Командование предупреждало, что за непосещение школы детьми, их родители будут подвергнуты штрафу до 100 руб. [15, 322]. Местные немцы привлекались в качестве учителей немецкого языка в белорусские школы.

Через три недели после начала войны Гитлер приказал службе по работе с немецкими национальными меньшинствами «принять срочные меры в целях учета лиц немецкой национальности в оккупированной части Советского Союза для последующего выдвижения надежных из них на руководящую работу в местные органы немецкого государственного аппарата». Сведения, собранные в Берлине накануне войны, оказались далеко не полными. Переписка генерального комиссара Беларуси и имперского комиссара Украины с Гиммлером в отношении учета лиц немецкой национальности «рейхсдойче» и «фольксдойче» продолжалась вплоть до 1944 г. [16].

Положение при новой власти нравилось местным немцам больше, чем при старой. И это несмотря на то, что среди белорусских «фольксдойче» было много

коммунистов, комсомольцев, сторонников Советской власти. Необходимо отметить тот факт, что немецкие власти очень осторожно, с недоверием относились к беларуским немцам. С первых дней войны они были задействованы для расчистки и уборки улиц, восстановления предприятий и т.д. И только после проверки на расовую принадлежность и политическую благонадежность, они назначались на определенные должности. Самыми распространенными должностями для гражданских «фольксдойче» были посты бургомистров и переводчиков. В последствии партизаны и подпольщики под различными предлогами вынуждали поволжских немцев идти на сотрудничество с ними. Так, партизаны отряда особого назначения, которым командовал С. Ваупшасов, вышли на бургомистра г. Слуцка Бахмана – уроженца бывшей автономной республики немцев Поволжья и передали ему письмо следующего содержания: ... «Господин бургомистр! Очевидно, вы оказались на стороне гитлеровцев потому, что уверовали в непобедимость «армии фюрера»?

Мы предлагаем вам искупить вину перед советским народом и помогать нам, советским партизанам. Вы должны предупреждать нас о готовящихся карательных экспедициях против партизан, о передвижениях войск по Варшавскому шоссе, должны передать нам несколько чистых бланков для паспортов.

Мы ручаемся вам, господин бургомистр, что фашисты не будут знать о вашей помощи нам, партизанам. ...» [17].

Как правило, подобные угрозы в адрес поволжских «фольксдойче» срабатывали, а после поражения германской армии под Сталинградом и на Орловско-Курской дуге они стали срабатывать и с кадровыми «рейхсдойче». Достаточно много коренных «фольксдойче» работали и служили в учреждениях оккупационных властей в округе Белосток. Местный немец из Бельска Витт работал переводчиком в управе. В 1943 г. подпольщикам удалось его склонить к сотрудничеству с партизанами [18]. В немецкой конторе Эрнста Громана служил фольксдойче Шпильман [19]. В Слуцкой разведшколе СД преподавала «фольксдойче» Веребей Зинаида Андреевна [20, л. 17], переводчик гестапо Шуберт Виктор по г. Бобруйску принимал участие в расстреле советских граждан, Вейс Александр проходил службу в 226 отдельном батальоне СД [20, л. 226]. В бригаде Гиль-Родионова агентом немецкой разведки являлся Вайсберг Герман Владимирович, «фольксдойче», бывший военный техник I ранга РККА [20, л. 238], Год Александр Михайлович являлся агентом группы «АБВЕНТГРУППЕ» № 325, затем перешел к партизанам [20, л. 256]. Зондерфюрером этой группы являлся Густав Иванович (фамилия не указана) [20].

По данным особого отдела Брестского партизанского соединения в район действий партизан был заслан Дулькейт, – бывший командир 125 полка РККА, инспектором гестапо г. Бреста являлся Пессельман Иосиф [20, лл. 272-426].

Минскую школу гестапо закончил Миллер Владимир, бывший токарь завода им. Ворошилова, направлен в район г. Витебска [20, л. 488]

Как же относились гражданские «фольксдойче» к населению, с которым они рядом проживали до оккупации?

Еще в октябре 1941 г. в Берлин был послан официальный доклад. В нем говорилось, что местные немцы, даже если они не являются коммунистами, «имеют

совершенно неправильные представления о взаимоотношениях внутри рейха, а также о национал-социалистических лидерах. Представителям интеллигенции непонятно чувство дискриминации. К евреям они обычно относятся безразлично. Показательным является тот факт, что после вступления немецких войск местные немцы не принимали совершенно никаких мер против евреев; более того, они считали евреев безобидными людьми, не внушающих никаких опасений» [21]. Вместе с тем, отдельные немцы Поволжья – жители Минска, являлись «первыми помощниками у немецких оккупантов. Они помогали немцам различать, кто еврей, а кто – нет» [15, 124].

В марте-апреле 1943 г. Вильгельм Кубе совместно с рейхскомиссариатом по укреплению немецкой расы переселил 5 тыс. «фольксдойче» (преимущественно немцев Поволжья) в город Литцманштадт (Лодзь), округ 1, лесной лагерь Тушин [22]. Это были преимущественно фольксдойче из Гомельской области, а также большая группа немцев из прифронтовой полосы, прошедшие специальную проверку на расовое соответствие. В письме В.Кубе Гиммлеру указывалось, что «фольксдойче» было обещано, что они сразу же должны быть поселены как крестьяне в Люблинском воеводстве. Кубе отмечает, что он заботился о судьбе немецких товарищей, которые были приняты в немецкое гражданство и среди которых находилось множество мужчин и женщин, сослуживших хорошую службу немецкому гражданскому управлению, СС и полиции, вермахту и другим учреждениям. В. Кубе приводит пример одного из усерднейших «фольксдойче», мельника и крестьянина Эстера Хазенауера, которому он по поручению фюрера вручил крест за военные заслуги, так как он в ходе военных действий оказал ценные услуги немецкому вермахту и позже спас жизнь немецкому унтер-офицеру, на которого напал военнопленный [22].

Кубе жалуется на то, что Хазенауера сразу же должны были поселить в Германии. Однако большинство «фольксдойче» все еще находятся в лагере, где они проводят время без настоящей работы и дела. Кубе просил рейхсфюрера помочь белорусским «фольксдойче», так как он в свое время обещал им жилье и земельные наделы. В январе 1942 г. переселение затронуло немцев из прифронтовых областей Ленинграда. Около 4400 человек поэтапно переселили в Западную Пруссию. С февраля по сентябрь 1943 г. население вокруг Лодзи увеличилось на 10 тыс. чел. За счет немцев из Беларуси, Смоленской, Орловской и других прилегающих областей.

В марте 1943г. В.Кубе сообщал в рейхскомиссариат в Риге о точной численности фольксдойче на подвласной ему территории: Минск (город) – 2446, Минск (округ) – 1627, Глубокое – 182, Лида – 120, Новогрудок – 150, Слуцк – 162 (Тугай В.В. «Фольксдойче в Беларуси» ... - с.85.). Итак, благодаря поддержке Г.Геринга на протяжении апреля – мая 1943 г. было проведено переселение 5 тыс. фольксдойче с территории Генерального округа Беларусь. Они были размещены во временном лагере под Лодзью. Однако процесс массового переселения фольксдойче затягивался. Бобруйская газета «Новый путь» сообщала: «Немцам наших областей уже в прошлом году было обещано о плановом их переселении. Переселение происходит всюду в бывших советских областях. Так, например, в Гомельской области оно уже закончено, между тем как в Брянске и Орле, которые находятся значительно ближе к фронту, оно еще не проводилось. В связи с этим и

немцы Бобруйской области будут переселены в Германию. В этой же газете было помещено объявление о регистрации немцев в здании СД для отправки в рейх. (Новый путь (Бобруйск).- 1943.-22мая.-Арк.93.)

Анализируя переписку Кубе с Гиммлером, можно сделать вывод о том, что переселенные немцы были крестьянами, и записались на переселение они добровольно в надежде получить жилье и землю. Что касается усерднейших «фольксдойче», которые сослужили хорошую службу немецкому гражданскому управлению, СС, полиции, вермахту, то это были единичные, по крайней мере, не массовые явления.

Кроме использования на военной и гражданской службе, нацисты пытались привлечь «беларуских фольксдойче» к борьбе против партизан и подпольщиков в качестве разведчиков, агентов, диверсантов.

1 июня 1942 г. мозырским партизанским отрядом был задержан неизвестный. На допросе назвал себя Ивановым Иваном Ивановичем, 1924 г. рождения, по национальности – немцем, уроженцем деревни Магдынь, Овручского района, Житомирской области. Задержанный заявил, что он бежал от преследования со стороны немецких властей и имеет намерение поступить в партизанский отряд.

После соответствующей проверки через агентуру, имевшуюся в г.Мозырь, было установлено, что Иванов работал до момента своего прихода в партизанский отряд в полиции города и специально направлен гестапо для разведывательной работы в один из партизанских отрядов.

На допросе Иванов показал, что он действительно завербован мозырским отделением гестапо [18]. В Ельском районе Гомельской области «фольксдойче» Вальтер, проживающий в деревне Пильщик, выдал Столинский партизанский отряд, который был уничтожен карателями [23].

В результате исследования проблемы выяснилось, что в ряде случаев немецкое национальное меньшинство в Беларуси оказывало немецким агрессорам активную помощь. Вместе с тем, значительное число «фольксдойче» в Беларуси выступило против нацистов. Немецкие исследователи отмечают, что нацисты с недоверием относились к «фольксдойче» с Поволжья, видя в русских немцах неполноценных в расовом отношении соотечественников. Этим людям нелегко жилось под немецким правлением [21].

Особенно недоверие нацистов к «фольксдойче» усилилось после того, как была задержана немка – «фольксдойче» – врач, которая помогла партизанам. Таких примеров в Беларуси насчитывалось достаточно много.

Бывшие поволжские немцы до их отправки в Вартегау доставляли немало хлопот, как официальным властям, так и местному населению. Часть беларуских «фольксдойче» уклонилась от переселения, чтобы остаться на прежнем месте проживания. Еще в 1942 г. в связи с ростом партизанского движения в областные города и поселки были назначены комиссары из числа беларуских «фольксдойче». Это было связано также и с тем, что другая часть беларуских «фольксдойче» совершала преступления. В поселке Домачево Брестской области были убиты 55 детей из беларуского дома детей-сирот, чтобы обустроить немецкий детский сад. Подобные преступления совершались в Смолевичах Минской области и Острашицком городке под Минском. Беларуские «фольксдойче» заселялись в

опустевшие дома евреев, которые были согнаны в гетто или уничтожены в Тростенце [24]. Кроме того, бывшие поволжские немцы вооружились и терроризировали местное население. В. Кубе предпринимал усилия о принудительном выселении «фольксдойче» из захваченного жилья и запретил поселять их на территории Беларуси. Однако приказы и распоряжения гауляйтера игнорировались белорусскими «фольксдойче». Поэтому, вероятно, одной из причин «заботы» В. Кубе о бывших поволжских немцах и скорейшем их переселении в округ Вартегау являлось желание скорее избавиться от них.

В начале войны многие «фольксдойче» ушли в партизанские отряды и находились там в качестве переводчиков. Так, переводчиком в отряде особого назначения, которым командовал С. Ваупшасов, был Карл Антонович Добрицгофер [17, с. 317]. В партизанской дивизии С. Ковпака переводчиком являлся Вальтер Броун [25, с. 322].

Ещё до призыва национального комитета «Свободная Германия» (НКСТГ) ко всем патриотам-антифашистам бороться с фашистами, в Беларуси движение Сопротивления приняло организованный характер. В Минске по инициативе «фольксдойче», проживающих на улицах Розы Люксембург и Карла Либкнехта, была создана подпольная организация, которая действовала с декабря 1941 по май 1943 г. После разгрома остатки группы ушли в партизанский отряд М.Н. Щорса [26, с. 348]. Брестский антифашистский районный комитет возглавил Ю.П. Куц [27, лл. 2–3]. В Могилёве руководителем «Комитета содействия Красной Армии» стал К.Ю. Мэттэ, завербованный органами НКВД ещё до войны и оставленный для подпольной работы в Могилёве [27, оп. 2, д. 1264, лл. 6–11]. Правда, сам К.Ю. Мэттэ считал себя белорусом. Во главе партизанского и подпольного движения на Гомельщине стояли руководители с немецкими фамилиями. Это: Эрлах – командир партизанского отряда, секретарь Лельчицкого РК ЛКСМБ [23, лл. 341–346], комиссар Лельчицкой бригады Р. Лин, комиссар Житковичской бригады К. Дербан [26, д. 286, лл. 268–280], член бюро Ельского подпольного райкома партии К. Гоникман [28, л. 32].

На Брестщине и Минщине в руководстве сопротивления нацистам также находились «фольксдойче». С обязанностями заместителя секретаря Брестского ОК КП(б)Б успешно справлялся А. Ромм [19, д. 254, лл. 102–104], уполномоченным ЦК ЛКСМБ и Минского подпольного ОК ЛКСМБ по Борисовской зоне являлся Д.В. Лель [19, д. 283, л. 175], командиром десантной партизанской группы в Вилейской обл. – Я.Г. Бонк и др. [19, д. 181, лл. 52–60].

Ещё до массового перехода военнослужащих вермахта в партизанские соединения и отряды, в них насчитывалось достаточно большое количество лиц немецкой национальности [25, сс. 132–135]. Командиром партизанского отряда им. А.В. Суворова являлся Г.Герман, награждён медалью «За отвагу» [29, с. 353].

Огромную помощь партизанам Рогачёва оказывала О.И. Герман, работающая агрономом земельной управы [30, с. 6], Якуб Одия был награждён медалью «За отвагу» за содействие партизанским разведчикам Барановичской области [31, с. 264]. Героически сражался с нацистами командир разведывательно-диверсионной группы Карл Линке, его сын Генц Линке погиб в бою 22 января 1943 г. [32, с. 304].

Наряду с мужчинами для борьбы с нацистами была мобилизована и направлена в тыл большая группа женщин-немок, которые вели разведывательную работу среди противника. Среди них необходимо отметить Бауэр Татьяну Стефановну, которая с 15.08.1942 г. в составе разведотдела Западного фронта находилась на территории Беларуси. Погибла у дер. Маковье Борисовского района Минской области в бою с карателями. Похоронена в братской могиле около д. Маковье [32, с. 69].

Необходимо отметить, что гражданские «фольксдойче» всячески помогали мирному населению и партизанам. Летом 1942 г. в Горецком районе Могилёвской области дочь бывшего помещика-немка Марианна Крауз спасла от расстрела жителей деревни Сеньково. После очередного прихода в деревню партизан и их бездарной военной операции, жителей деревни согнали к котловану и приговорили к расстрелу. Марианне удалось убедить военное начальство в невинности крестьян и они были освобождены [33].

В партизанских газетах встречаются утверждения, что немцы во время карательных экспедиций истребляли не только славян, но и «фольксдойче». Осиповичская газета «За Советскую Родину» от 12 апреля 1943 года писала: «Гитлеровские бандиты, как хищные звери, рыщут по деревням за очередной добычей. В своей предсмертной агонии они уничтожают не только русских людей, но даже тех, кого они считают людьми арийской крови. Недавно палачи Лапичского гарнизона растерзали двух женщин немецкой нации с деревни Аминовичи – Буловацкую (Редих) Э.Р. и Богуминскую (Редих) Т.Р. Но помните, фашистские псы, что за каждый грамм крови советского человека вы расплатитесь пудами своей поганой крови» [15, 30–31].

Трудно сказать, пострадали ли сёстры Редих за связь с партизанами, карателям было недосуг разбираться в их германском происхождении. Не исключено также, что их убили сами партизаны, а потом свалили вину на немцев, точно так же, как немцы порой собственные преступления приписывали партизанам.

На территории Верхнедвинского района Витебской области в феврале 1943 г. в ходе карательной операции “Зимнее волшебство” была сожжена деревня Немцы, в которой проживало 49 человек, в том числе и немецкой национальности. 22 жителя деревни было убито, а деревня сожжена дотла. После войны не восстановлена [26, с. 382].

В Наровлянском районе Гомельской обл. в ходе карательных операций также были частично или полностью сожжены деревни Осиповка, Довляды, Хатки, Березовка, в которых проживало немецкое население [34].

Таким образом, в годы Великой отечественной войны на территории Беларуси насчитывалось более 35 тыс. «фольксдойче». Из них 15 тыс. являлись переселенцами 30-х годов из бывшей автономной республики немцев Поволжья, более десяти тысяч представляли собой автохтонный элемент, т.е. являлись коренными немцами в Беларуси. Они, как правило, в 1941 г. проживали компактно в Гомельской и Витебской областях. Третья группа «фольксдойче» была переселена или добровольно переселилась в Беларусь с прифронтной полосы и насчитывала более 10 тыс. человек.

В ходе войны многие «фольксдойче» погибли от рук нацистов или партизан. Точную численность «беларуских фольксдойче», участвующих на советской стороне или на стороне нацистов, установить невозможно.

Литература и источники

1. Подсчитано автором по: Pinkus B. Fleischhauer I. Die Deutschen in der UdSSR. Baden-Baden. 1987; Buchweiler Meir. Volksdeutsche in der Ukraine am Vorabend und Beginn des Zweiten Weltkriegs — Fall doppelter Lokalität. Blecher Verlag. 1984.; Bundes Archiv. R 90/421.; Rudolf A. Mark Die Deutsche Minderheit in Weissrussland — eine historische Skizze // Deutsche Studien/ Vierteljahreshefte.34. Jahrgang 1997.
2. Buchweiler, Meir. Volksdeutsche in der Ukraine am Vorabend und Beginn des Zweiten Weltkriegs — Fall doppelter Lokalität. Blecher Verlag. 1984.
3. Pinkus, B. Fleischhauer I. Die Deutschen in der UdSSR. — Baden-Baden, 1987.
4. Meich, G. «Die russlanddeutsche Bevölkerung in Kriegs — Nachkriegzeit». 1966.
5. Смирнов, С. С. «Брестская крепость» «Молодая гвардия». — 1965. С. 245.
6. Ортенберг, Д.И. Это останется навсегда. — 1984.
7. Heydrich, R. «Einsatzbefehle Nr 8; Richtlinien für die in die Stalags und Dulags abzustellenden Kommandos der Chefs der Sicherheitspolizei und der SD, 17.7.41».
8. «Richtlinien für das Einrichten von Kriegsgefangenenlagern auf dem Gefechtsfelde. 10.10.41».
9. Über einheimische Dolmetscher in der Einsatzgruppe D siehe z. B. — «Anklageschrift in der Strafsache gegen Schlupper I.I. u. a» S. 29.
10. Vortragsnotiz der Admirals Kanaris, Juli 4, 1941, PS — 882.
11. Л. Де Йонг. Немецкая пятая колонна во Второй мировой войне. Под ред. ген.-майора Н.П. Цигичко. — М., 1958. С. 356.
12. W Keitel. «Einstellung von volksdeutschen Kriegsgefangenen sowjetischer Staatsangehörigkeit in die deutsche Wehrmacht. Volksdeutsche als Dolmetscher, 3.12.42; Pinkus ... (см. 2). S.358.
13. Симонов Константин. Солдатами не рождаются. — М., 1964.
14. НАРБ, Ф.136, Оп.1, Д. 36, Л. 100-101
15. Соколов, Б.Ф. Оккупация. С. 96.
16. Bundes Archiv. Berlin. R 90/421. Bl. 297
17. Ваупшасов, С. Партизанская хроника. «Беларусь» / С. Ваупшасов — Мн., 1971. С. 317.
18. Попов, А. Ю. НКВД и партизанское движение / А. Ю. Попов. — М., 2003. — С. 300—301.
19. НАРБ. Ф.4, Оп.33а, Д.77, Л.52-56.
20. НАРБ. Ф. 3500, Оп. 2, Д. 57

21. Rudolf A. Mark Die Deutsche Minderheit in Weissrussland – eine historische Skizze // Deutsche Studien/ Vierteljahreshefte.34. Jahrgang 1997.
22. Zentrales Staatsarshiv Postdam. Письмо В. Кубе Г. Гиммлеру о размещении немцев Поволжья в Лодзи. № 95.
23. НАРБ. Ф. 4, Оп. 33а, Д. 77, Л. 52-56.
24. Gerlach Ch. Kalkulirte Morde: die Deutsche Wirtschafts – und Vernichtungs – politik in Weissrusland 1941 bis 1944. Hamburg. 1999.
25. Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – ноябрь 1942 гг.). “Беларусь”, – Мн., 1967.
26. Беларусь у Вялікай айчыннай вайне 1941–1945. Энцыклапедыя. – Мн., 1990.
27. НАРБ. Ф. 3500, Оп. 3, Д. 156.
28. НАРБ. Ф. 4126, Оп.1, Д.13.
29. Ян Онацик. За общее дело. // В кн. В едином строю. Воспоминания участников партизанского движения в Белоруссии. 1941–1944. «Беларусь», Минск, 1970. сс. 404–405.
30. Под одним знаменем. М., 1963. с. 97.
31. Люди легенд. Вып. 4, М., 1971.
32. Беларусь у Вялікай айчыннай вайне 1941–1945. Энцыклапедыя. – Мн., 1990, с. 304
33. Балугев Виктор. От расстрела немцами нас спасла немка Мариана Крауз // Народная воля. 2 лістапада. 2000. № 204.
34. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) ф.7021, оп.91, д.21, лл.53–89.
35. Кичихин, А. Н. Советские немцы: откуда, куда и почему? / А.Н. Кичихин // Военно-исторический журнал. – 1990. – № 8. – С. 38].
36. Archiwum Akt Nowoych w Warszawie (AAN. – Sygn. 202/III. – Teczka 201. – K. 52] .
37. Паўлаў, У. Беларускія немцы ў Вялікай Айчыннай вайне / У. Паўлаў // Польша. – 1996. – № 2].
38. Крывашэй, Д. А. Нацыянальныя супольнасці Беларусі ў перыяд германскай акупацыі / Д. А. Крывашэй // чэрвень 1941 – ліпень 1944. – Мінск, 2009. – 198 с.